

754
ВЛАД. ПТИЦЫНЪ.

316
**ДРЕВНИЕ
АДВОКАТЫ
И
НАШИ ПРИСЯЖНЫЕ ЦИЦЕРОНЫ!**

Въ небѣ—черти,
Въ землѣ—черви,
Въ дѣсахъ—сучья,
Въ судахъ—прючки...
Куда уйти?!
Народная пословица.

СОДЕРЖАНІЕ: Глава I. Древніе адвокаты. — II. Наши присяжные цицероны. — III. Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ. — IV. Краснорѣчіе нашихъ адвокатовъ. — V. Адвокатская этика. — VI. Помощники присяжныхъ повѣренныхъ. — VII. Русская литература объ адвокатахъ. — VIII. Грибановское дѣло. — IX. Заключение.

ИЗДАНИЕ

Д. В. Соколова.

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типо-Литографія **И. В. Дяткова**, Пушкинская ул., д. № 5.
1894.

ADBOHATY
DZEBHIE

HAHNI TEKNOLOGIJE UNIVERZITETI

1957-1958

С

ДРЕВНІЕ АДВОКАТЫ

И

НАШИ ПРИСЯЖНЫЕ ЦИЦЕРОНЫ.

В. В. Птицына

Присяжного повѣреннаго округа СПб. Судебной Палаты.

СОДЕРЖАНІЕ: Глава I. Древніе адвокаты.—II, Наши присяжные цицероны. — III. Совѣты присяжныхъ повѣренныхъ. — IV. Краснорѣчіе нашихъ адвокатовъ. — V. Адвокатская этика. — VI. Помощники присяжныхъ повѣренныхъ. — VII. Русская литература объ адвокатахъ.—VIII. Грибановское дѣло.—IX. Заключение.

ИЗДАНИЕ

Д. В. Соколова.

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

С.-Петербургъ.

Типо-литографія И. В. Цвѣткова. Пушкинская улица, домъ № 5.

1894.

Р. 69

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 21 Іюня 1894 года.

SEP 29 1931

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Настоящее изслѣдованіе было напечатано авторомъ его присяжнымъ повѣреннымъ В. В. Птицынымъ въ журналѣ „Наблюдатель“, въ первыхъ трехъ номерахъ за 1894 годъ. Къ этому изданію авторъ прибавилъ цѣлую новую главу подъ заглавіемъ „Грибановское дѣло“, значительно дополнилъ главы ІУ, У, УІІІ и исправилъ всѣ остальные главы.

ДРЕВНИЕ АДВОКАТЫ

И

НАШИ ПРИСЯЖНЫЕ ЦИЦЕРОНЫ.

REF ID: A60234

[illegible]

I.

ДРЕВНИЕ АДВОКАТЫ.

Нѣтъ лучшей пищи для ума, какъ чтеніе древнихъ классиковъ. Стоитъ только взять въ руки одного изъ нихъ хотя на полчаса, чтобы тотчасъ же почувствовать себя освѣженнымъ, облегченнымъ, очищеннымъ и укрѣпленнымъ.

А. Шопенгауэръ.

Деятнадцать вѣковъ отдѣляютъ насъ отъ времени Цицерона,—эпохи полного расцвѣта и процвѣтанія римскаго судебного краснорѣчія,—и, не смотря на то, существовавшія въ то время формы и обряды судопроизводства и самое судоустройство такъ общи съ нашими, такъ знакомы намъ: тотъ же судъ присяжныхъ засѣдателей съ обвинителемъ, защитникомъ, подѣ предсѣдательствомъ претора, имѣвшаго неменьшую руководящую власть, чѣмъ наши предсѣдатели окружныхъ судовъ, то же предварительное и судебное слѣдствіе, и самая широкая, всенародная публичность и гласность судопроизводства. Поэтому для насъ не можетъ быть чуждымъ, непонятнымъ, а скорѣе будетъ поучительнымъ знакомство съ тѣмъ, какъ готовились къ своей профессіи молодые римскіе юристы, какъ они проходили свой стажъ, при какой обстановкѣ выступали въ качествѣ защитниковъ, какъ составляли и произносили свои судебныя рѣчи.

Къ сожалѣнію, въ то время какъ для изученія собственно римскаго права существуетъ такая масса источниковъ,—для изученія римскаго судебного краснорѣчія такихъ источниковъ

очень немного. Сводятся они, главнымъ образомъ, къ сочиненіямъ Цицерона и Корнелія Тацита объ ораторахъ и ораторскомъ искусствѣ, и къ сохранившемся до насъ рѣчамъ Цицерона; ихъ,—собственно судебныхъ его рѣчей по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, не считая рѣчей противъ Катилины и другихъ, политическаго характера,—насчитывается до пятнадцати. Изъ нихъ въ полномъ составѣ сохранились далеко не всѣ. О самомъ Цицеронѣ, объ его значеніи, адвокатской и политической дѣятельности и объ его рѣчахъ существуетъ за границей цѣлая обширная литература. Лучшими сочиненіями считаются:—книжка Коллинзи „М. Т. Цицеронъ“ и этюдъ Буассе „Цицеронъ и его друзья“, переведенные на русскій языкъ. Особенно жаль, что, кромѣ рѣчей Цицерона, который изъ присущаго ему тщеславія и въ поученіе потомству самъ заботился о сохраненіи и изданіи своихъ рѣчей, изъ рѣчей другихъ адвокатовъ его времени и предшествующей ему эпохи, не дошло до насъ, если не ошибаюсь, ни одной цѣльной и полной, именно судебной защитительной рѣчи, кромѣ кое-какихъ обрывковъ изъ такихъ рѣчей.

Наоборотъ, политическихъ рѣчей римскихъ государственныхъ людей, полководцевъ, императоровъ и тѣхъ же адвокатовъ сохранилось сравнительно очень много; ими наполнены „Лѣтопись“ и „Исторія“ Тацита. Изъ нихъ нихъ рѣчи императора Августа особенно выдаются своимъ высокимъ, несравненнымъ краснорѣчіемъ.

Что древніе римляне не относили ораторскаго искусства къ разряду тѣхъ искусствъ, гдѣ совершенство зависитъ исключительно отъ таланта, природныхъ дарованій, а отводили едва ли не первое мѣсто для усовершенствованія въ ораторскомъ искусствѣ предварительной научной и практической подготовкѣ,—объ этомъ свидѣтельствуетъ дошедшее до насъ классическое изреченіе: *oratores fiunt, poetae nascuntur*. О томъ какъ готовились молодые римляне къ адвокатской профессіи, что считалось необходимымъ для оратора того времени, и о личной подготовкѣ Цицерона можно узнать изъ сочиненія: „Разговоръ объ ораторахъ“ К. Тацита,—самого плохаго его произведенія и самаго ранняго, когда еще авторъ былъ адвокатомъ,—и изъ лучшаго сочиненія Цицерона: „*De oratore, libri tres*“, изъ первой его книги. Оба сочиненія изложены въ любимой тогда разговорной формѣ, гдѣ авторы излагаютъ

свои воззрѣнія устами лучшихъ адвокатовъ своего времени.

Излагая причину упадка ораторскаго искусства въ его время, т. е. въ царствованіе Тита и Веспасіана, сравнительно со временемъ Цицерона и до него, Тацитъ первою и самой важной причиной этого упадка ставитъ разницу въ подготовкѣ древнихъ и современныхъ ему адвокатовъ. Древніе адвокаты, по его разсказу, получали двоякую подготовку: во-первыхъ, чисто практическую, которая состояла въ томъ, что посвятившіе себя адвокатурѣ избирали себѣ учителя, патрона, и, — какъ выражается Тацитъ, — ходили за нимъ, т. е. сопровождали его въ суды, на форумъ, въ сенатъ, на прогулку, присутствовали у него на дому при приѣмѣ имъ кліентовъ и во время его бесѣдъ съ товарищами и друзьями, и, такимъ образомъ, на живыхъ примѣрахъ, изучали право и усваивали внѣшнія качества, необходимыя оратору. Сверхъ того, и вмѣстѣ съ тѣмъ, древніе молодые адвокаты получали разумное, подходящее образованіе и, кромѣ права, изучали философію, музыку и всякія науки, — поэтому были гораздо развитѣе современныхъ Тациту. А современные молодые адвокаты, по словамъ Тацита, не получивъ ни широкаго образованія, ни практическихъ познаній въ правѣ, прямо поступаютъ въ школы риторовъ и изучаютъ, главнымъ образомъ, блестящія формы рѣчи, декламацію, умѣнье острить, болтать или говорить напыщенно.

Цицеронъ, устами своего руководителя, знаменитаго адвоката Лицинія Красса, ставитъ слѣдующія требованія отъ судебного защитника: помимо знанія права, адвокату необходимо, по его мнѣнію, чтеніе поэтовъ и изученіе исторіи; сверхъ того, развитіе своего голоса и языка, приобрѣтеніе запаса словъ и оборотовъ, строгое обдумываніе рѣчи; но въ особенности, по его мнѣнію, необходимо предварительное письменное изложеніе рѣчи, чѣмъ, по его выраженію, приобрѣтается навыкъ къ правильному расположенію словъ. Самъ Цицеронъ былъ особенно счастливъ въ своемъ воспитаніи и подготовкѣ къ адвокатскому поприщу. Происходя изъ достаточнаго, но небогатаго буржуазнаго семейства, сынъ всадника изъ г. Арпинума, рожденный за 106 л. до Р. Х., онъ былъ юношей отправленъ на воспитаніе въ Римъ къ своему родственнику, упомянутому уже знаменитому адвокату Лицинію Крассу. Но юриспруденцію Цицеронъ изучалъ у другаго, не менѣе, впро-

чемъ, знаменитаго адвоката того времени, М. Сцеволы. Затѣмъ Цицеронъ ѣздилъ для усовершенствованія себя въ ораторскомъ искусствѣ въ Аѳины, гдѣ въ риторскихъ школахъ исправлялъ свои природныя недостатки: слабый голосъ и дурныя манеры.

Одно изъ своихъ сочиненій объ ораторскомъ искусствѣ, подъ названіемъ „Brutus“, Цицеронъ начинаетъ характеристикой древнихъ ораторовъ: Кая и Тиверія Гракховъ, народныхъ трибуновъ, великихъ борцовъ за плебейство, установившихъ извѣстные аграрные законы. Цицеронъ характеризуетъ ихъ тѣмъ, что они никогда въ рѣчахъ не льстили народу, напротивъ, иногда упрекали чернь за ея продажность и перемѣнчивость. Кай Гракъ (младшій братъ), по словамъ Цицерона, умѣлъ такъ говорить, что заставлялъ рыдать народъ. Своихъ предшественниковъ, М. Антонія и Л. Красса, Цицеронъ, въ этомъ сочиненіи, считаетъ по силѣ краснорѣчія подобными Демосѳену. М. Антоній, какъ адвокатъ, прославился защитой взяточника, консула Аквилія. Онъ, — говоритъ Цицеронъ, — всегда тщательно готовился къ рѣчамъ, хотя старался показать, что говоритъ экспромтомъ, былъ мастеръ на жестикуляціи и обладалъ плаксивымъ голосомъ, способнымъ возбуждать состраданіе. Второй, Л. Крассъ, говорилъ, по словамъ Цицерона, кратко и красиво; рѣчь его была, когда нужно, раздражительна и полна скорби.

Главными свойствами рѣчи самого Цицерона, были, по мнѣнію проф. Модестова, ея полнота и искусство говорить ясно, стройно, округленно и гармонично.

У римлянъ время Цицерона существовали два рѣзко определенныхъ и враждебныхъ одно другому направленія, двѣ школы судебного краснорѣчія. О нихъ можно имѣть свѣдѣнія изъ сочиненія Цицерона подъ названіемъ: „Orator“. Задавшись въ немъ цѣлью написать образъ совершеннаго оратора, Цицеронъ характеризуетъ оба направленія и критически ихъ разсматриваетъ. Одно, господствовавшее во время Цицерона, называлось азіатскимъ, другое — ново-аттическимъ. Азіатское направленіе характеризуется напыщенностью и многословіемъ; наоборотъ, ново-аттическое стремилось къ изящной простотѣ и трезвости аттической рѣчи; образцомъ себя оно ставило древняго греческаго оратора Гиперида, а Демосѳена уже считало болтливымъ. Къ послѣднему направленію

принадлежали извѣстный Брутъ, убійца Ю. Цезаря, и Липиній Крассъ, воспитатель Цицерона. Но самъ Цицеронъ былъ противъ новоаттического направленія, потому что оно грозило подорвать авторитетъ его собственнаго краснорѣчія, и требовалъ должнаго мѣста, какъ риторическимъ украшеніямъ, такъ особенно ораторскому ритму (*pneuma*). Цицеронъ въ рѣчахъ своихъ стремился соединить лучшія стороны того и другаго направленія, но, очевидно, больше наклоненъ былъ къ азіатскому направленію, за что его и упрекали друзья. Что касается до классическихъ адвокатскихъ гонораровъ, то, по закону Цинція (*Lex Cincia de donis et muneribus*), римскимъ адвокатамъ совѣмъ запрещалось брать гонораръ.

Тацитъ, въ своей книгѣ „Разговоръ объ ораторахъ“, говори о современномъ ему упадкѣ ораторскаго искусства, считаетъ причиной его, кромѣ неподходящаго воспитанія молодыхъ адвокатовъ, еще и то обстоятельство, что древнимъ (республиканскимъ) ораторамъ приходилось говорить о дѣлахъ государственныхъ и народныхъ, и это возвышало ихъ и воспаляло, а современникамъ его приходится говорить только по своимъ частнымъ, болѣе или менѣе мелкимъ дѣламъ. Наконецъ третьей причиной упадка краснорѣчія Тацитъ считаетъ то, что въ древнее время было гораздо больше свободы: все дѣлалъ народъ, и кто его *убѣдитъ*, тотъ имъ и *повелѣваетъ*, что придавало краснорѣчію ораторовъ огромную цѣнность и силу; а теперь, т. е. во время Тацита, государствомъ править одинъ императоръ Веспасіанъ, и ораторы не имѣютъ вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ, что не способствуетъ увеличенію значенія ораторскаго искусства, которое всегда процвѣтало только тамъ, гдѣ была вольность, и было ничтожно въ государствахъ съ деспотическимъ правленіемъ, какъ Персія, Спарта, Македонія. Противоположностью имъ были Аѣины.

Въ то время, какъ изученіе римскаго права справедливо кладется у насъ и у всѣхъ современныхъ образованныхъ народовъ, въ основу всякаго юридическаго образованія, такъ неразрывно соединенное съ этимъ великимъ правомъ римское судебное краснорѣчіе—ораторское искусство, его исторія и теорія—не только не изучается, ни въ высшихъ современныхъ юридическихъ школахъ, ни на практикѣ, но даже игнорируется, какъ искусство, не заслуживающее вниманія и изученія.

Это тѣмъ болѣе странно, что едва ли мы можемъ сказать, что въ искусствѣ судебного краснорѣчія настолько превосшли римскихъ адвокатовъ, что уже намъ нечему у нихъ учиться. Скорѣе наоборотъ: оно раздѣляетъ судьбу другихъ искусствъ—ваянія, живописи, архитектуры, въ которыхъ наше время не только не превосшло, но даже еще не дошло до высокаго совершенства древнихъ классическихъ народовъ.

II.

НАШИ ПРИСЯЖНЫЕ ЦИЦЕРОНЫ.

Въ небѣ—черти,
Въ землѣ—черви,
Въ лѣсахъ—сучки,
Въ судахъ—крючки...
Куда уйти?!

Народная пословица.

Когда оторвешься отъ изученія положенія адвокатуры въ классической древности и типовъ римскихъ адвокатовъ, и начнешь присматриваться и сравнивать съ ними типы нашихъ присяжныхъ цицероновъ,—присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ, и ихъ общественную роль у насъ, то невольно получается впечатлѣніе, какъ бы съ высокаго Олимпа, населеннаго богами, спускаешься въ трактиръ для извозчиковъ съ его постоянной публикой.

Вспоминая теперь, послѣ почти тридцатилѣтняго существованія въ Россіи присяжной адвокатуры, какія надежды на значеніе и общественную роль присяжныхъ повѣренныхъ возникали въ русскомъ обществѣ и прессѣ при созданіи и открытіи судебныхъ учреждений Александра II-го,—удивляешься наивности такихъ ни на чемъ не основанныхъ надеждъ. На присяжныхъ повѣренныхъ смотрѣли тогда, какъ на истинныхъ, идеальныхъ „защитниковъ вдовъ и сиротъ“. Замѣчательно, что и сами присяжные повѣренные перваго, такъ сказать, набора—хотя и устремившіеся, главнымъ образомъ, на схватываніе кушей, посыпавшихся на нихъ съ начала открытія новыхъ судовъ,—также не прочь были считать себя надеждою молодой Россіи, хотя ни откуда не видно, чтобы у нихъ, какъ у корпораціи, были и тогда какіе нибудь идеалы общественной дѣятельности или широкія задачи. „Обѣлять“

своихъ кліентовъ—было и тогда ихъ единственной гордостью; никакого другаго призванія, или иного приложенія своего краснорѣчія, они себѣ и не представляли. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что изъ милліоновъ сказанныхъ за время существованія присяжной адвокатуры адвокатскихъ рѣчей и нѣсколькихъ томовъ напечатанныхъ, нельзя указать ни одной, которую можно бы назвать даже блѣдной тѣнью какой нибудь изъ судебныхъ рѣчей Ж. Фавра, всегда проникнутыхъ глубокимъ общественнымъ значеніемъ, въ особенности знаменитой его алжирской рѣчи, не говоря уже о судебныхъ рѣчахъ Л. Гамбетты, хотя оба оратора говорили въ тяжелыя, въ цензурномъ отношеніи, времена Наполеона III. Но эти французы были настоящими патріотами: они себя не щадили и не имѣли въ виду „и невинность соблюсти, и капиталъ пріобрѣсти“.

Также объясняется и то, что, на открывшихся, слѣдъ за новыми судами, нашихъ земскихъ и городскихъ общественныхъ собраніяхъ, присяжная адвокатура не выставила ни одного сколько нибудь выдающагося дѣятеля и борца за общественные интересы и не играла, какъ не играетъ и до сихъ поръ, въ судьбахъ нашего самоуправленія, въ его тяжелой борьбѣ за сохраненіе дарованныхъ покойнымъ государемъ правъ, никакой роли, не оказала ему никакой услуги.

Всякому, интересующемуся земскою и городскою общественною дѣятельностью въ Россіи, видно и понятно, что гдѣ въ земствѣ или въ городѣ находятся два-три человѣка, которымъ дороги общественные интересы, тамъ,—стоятъ ли они руководителями управленія, или находятся въ оппозиціи,—дѣла идутъ впередъ, завязывается борьба, столкновеніе убѣжденій, а не только личныхъ интересовъ; выдвигаются важнѣйшіе вопросы народнаго образованія, хозяйства, народнаго здоровья. Сами же эти люди бьются, портятъ себѣ карьеру, ссорятся, увлекаются, терпятъ пораженія и невзгоды и, отравивъ себѣ жизнь, кончаютъ тѣмъ, чѣмъ, напримѣръ, кончилъ недавно одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ общественныхъ дѣятелей, г. Гацисскій въ Нижнемъ-Новгородѣ, т. е. преждевременною смертію за неустаннымъ трудомъ и отсутствіемъ всякой признательности отъ общества при жизни и даже послѣ смерти. Но гдѣ такихъ людей не находится совсѣмъ, тамъ на первый выступаетъ раздѣлъ „общественнаго пирога“ и въ обществен-